

На правах рукописи

Гаврилова Наталия Сергеевна

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ МИР В РЕЦЕПЦИИ
И. БРОДСКОГО: РЕАЛЬНОСТЬ, ПОЭЗИЯ, ЯЗЫК

Специальность: 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск, 2007

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы XX века
филологического факультета ГОУ ВПО «Томский государственный
университет»

- Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент
Рыбальченко Татьяна Леонидовна
- Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор
Плеханова Ирина Иннокентьевна
- кандидат филологических наук, доцент
Ащеулова Ирина Владимировна
- Ведущая организация – ГОУ ВПО «Уральский государственный
педагогический университет»

Защита состоится 7 марта 2007 г. в _____ часов на заседании
диссертационного совета Д 212.267.05 при Томском государственном
университете (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Томского
государственного университета

Автореферат разослан ____ февраля 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
профессор

Л. А. Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Тема диссертации «Англо-американский мир в рецепции И. Бродского: реальность, поэзия, язык» предполагает изучение «образа» Англии и Америки (США) как особого мироустройства, картина которого выстраивалась в процессе вхождения Бродского в американский социум и в англо-американскую культуру; выявление круга англо-американской поэзии, аналитически и творчески воспринятой и интерпретированной Бродским; исследование поэтического мира в англоязычной поэзии Бродского.

Актуальность исследования определяется значимостью англо-американской культуры в жизни и творческом развитии Бродского: англо-американская поэзия была предметом интереса на всех этапах его творческого пути; США стали местом проживания поэта с 1972 года; после эмиграции английский язык становится языком культурного общения, а затем и поэтического творчества (Бродский называл себя русским поэтом, англоязычным эссеистом и американским гражданином)¹. Актуально в современном литературоведении исследование влияния литературы эмиграции на развитие русской литературы второй половины XX века, представленной двумя субкультурами (метрополией и диаспорой). Наконец механизм и последствия творческой и критической рецепции Бродским «другой» культуры актуальны в связи с проблемой глобализации культуры, с проблемой сохранения, обогащения или ассимиляции национальной картины мира в некоей универсальной модели. Изучение восприятия англо-американского мира И. Бродским открывает феномен вхождения поэта в мировое культурное пространство при сохранении индивидуально и культурно обусловленной ментальности.

Цель исследования – определить основные элементы картины мира И. Бродского, выявив их в образе англо-американской реальности, в метатексте англо-американской поэзии, выстроенном Бродским на основе близкой его эстетике англоязычной поэзии, в новых чертах художественного мира англоязычной поэзии.

Задачи исследования:

¹ “I was simply a Soviet”: A Talk with Joseph Brodsky // The New Leader. – 1987. – Vol. 70. № 19 (Dec. 14). – P. 11. Цит. по: Лонсбери Э. Государственная служба: Иосиф Бродский как американский поэт-лауреат // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 56. – С. 206.

1. Интерпретировать представления Бродского об англо-американской реальности, истории, культуре, представленные в эссеистике, в публичных выступлениях, в интервью; определить характер восприятия англо-американского мира как национального или вненационального, присущего современной цивилизации.

2. Выявить в поэзии Бродского разные уровни семантики знаков английского и американского миров: образы инонациональной реальности, символы универсального бытия, метафоры лирического сознания.

3. Обнаружить в критической и поэтической рецепции англоязычной поэзии проявление эстетических и творческих принципов самого Бродского, его представлений о классической и современной поэзии.

4. Исследовать особенности поэтического мировосприятия Бродского в ходе сопоставления диалогических сближений /отталкиваний стихотворений русского поэта и англоязычных поэтов.

5. Определить особенности поэтического мира в англоязычных стихотворениях Бродского в сравнении с близкими по лирической коллизии русскоязычными стихотворениями.

Материал исследования:

Материалом исследования стало прозаическое (эссе, публицистические выступления, интервью) и поэтическое наследие Бродского, содержащее прямую интерпретацию, образно выраженное восприятие или образы-знаки англо-американского мира. Выделяется пласт стихотворений, содержащих знаки географической, природной, социальной и исторической реальности Англии и/или Америки, а также стихотворения, выразившие мироощущение лирического субъекта в неконкретизированной англо-американской культурной среде. При исследовании рецепции англо-американской поэзии избираются стихотворения Бродского, содержащие маркированные автором обращения к стихам англо-американских поэтов (эпиграфы, посвящения, названия, упоминания имен поэтов в тексте), и те, на связь которых с англоязычными стихами он сам указал, а также переводы Бродским англоязычной поэзии. В круг исследования вводятся стихотворения англо-американских авторов, к которым отсылает Бродский, а также англоязычные стихотворения, содержащиеся в антологиях и собраниях стихов, которые были у Бродского и которые он, несомненно, читал.

Основным источником, используемым в диссертации, являются стихи и эссе Бродского, опубликованные в четырехтомном и семитомном изданиях сочинений поэта и в собрании стихотворений на английском языке², а также публикации бесед и интервью с ним. В отдельных случаях привлекаются эссе и стихи, опубликованные в периодике и не вошедшие в собрание сочинений, а также материалы из архивов поэта в Санкт-Петербурге и Нью-Хейвене (США).

Методологическая основа исследования – соединение культурологического (Г. Д. Гачев, В. А. Подорога), философско-герменевтического (Г. Г. Гадамер, Э. Кассирер, М. Хайдеггер), структуралистского (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров), компаративистского и имагологического (А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский, Ю. Д. Левин) методов исследования культуры и художественных текстов.

Научная новизна исследования:

1. Выделен пласт поэзии Бродского и его эссеистики и публицистики, создающий образ англо-американского мира. Предложена система разных аспектов восприятия Бродским англо-американского мира (природно-социальной реальности, поэзии, языка) в развитии (в доэмигрантский и эмигрантский периоды).

2. Выявлены различия в восприятии Бродским английского и американского миров (после эмиграции), не дифференцированных в мифе о западном мире в ранний период творчества Бродского.

3. Исследована аналитическая и поэтическая рецепция Бродским англо-американской поэзии и выявлены критерии его отношения к классической и современной англоязычной поэзии, отличные от русской традиции восприятия английской и американской поэзии.

² Бродский И. Сочинения: В 4 т. / Сост. Г. Ф. Комаров. – СПб.:

Издательство

«Пушкинский фонд», 1992 – 1995; Бродский И. Сочинения Иосифа

Бродского: В 7 т. / Сост. Г. Ф. Комаров. – СПб.: Пушкинский

фонд, 1997 –

2001; Brodsky J. Collected Poems in English. – New York: Farrar,

Straus and

Giroux, 2000.

4. Предложена интерпретация переводов Бродским англоязычной поэзии (Э. Марвелла, Р. Лоуэлла, Р. Уилбера, У. Х. Одена), позволяющая выявить рецепцию инациональной поэзии как общезначимой и экзистенциально актуальной. Проанализирован цикл «Из «Старых английских песен»» как редкая для Бродского стилизация национального английского фольклорного мышления по образцу Р. Бернса. Выделены и сопоставлены с произведениями Э. Марвелла, У. Блейка, Т. Гарди, Р. Фроста, Т. С. Элиота, Р. Уилбера стихотворения Бродского, тематически и образно с ними связанные.

5. Обозначены и истолкованы связи поэзии Бродского с американской поэзией XX века: рецепция англо-американского модернизма; не опосредованные жанром элегии связи с поэзией У. Х. Одена, Т. С. Элиота, Р. Фроста. Выявлены соответствия поэтической и критической рецепции Бродским американской поэзии (в поэзии и в эссеистике); введены в научный оборот не переведенные на русский язык работы об американской поэзии англоязычных литературоведов (D. Perkins, T. Drew, C. Summers и др.), дающие основания для определения своеобразия рецепции Бродского.

6. Исследован поэтический мир англоязычных стихотворений Бродского в аспекте влияния английского языка и американской реальности на мировосприятие поэта.

Положения, выносимые на защиту:

1. Англия и Америка (США) предстают в восприятии Бродского не только как особые национальные миры, созданные интенцией к независимости, отрыву (островному или континентальному), но преимущественно как варианты человеческого мироустройства, оцениваемые в метафизических масштабах. Америка – пространство эмиграции – демонстрирует онтологическую правду человеческого существования, борьбы индивида за место в бытии и вытеснения его из бытия.

2. История Англии и американского континента (где англоязычная и романская эмиграция создали разные цивилизации) свидетельствует о стоических усилиях человека закрепиться в реальности и во времени вопреки неизбежности небытия. Индивидуалистическое мироощущение рождено онтологическим измерением человека, но культура становится способом сопротивления хаосу реальности и ее (реальности) энтропии во времени; культура создает иллюзию защищенности и неодинокости индивида, но историческая смена культур, их смешение или вытеснение разрушают мифы о линейности человеческой культуры.

3. Пребывание в современной англо-американской реальности подтвердило представления Бродского о современной цивилизации как о кризисе культуры; отсутствие иерархии ценностей, их релятивность и, напротив, стандартизация и гедонизм массового сознания укрепили «тоску по мировой культуре» как высшей реальности, выстраиваемой сознанием для метафизических интенций.

4. В английской и американской поэзии Бродский выделяет метафизическую традицию, устремленную не к самовыражению, не к воссозданию национальной мифологизированной реальности, а к созданию текста о мироздании, об универсальной, метафизической реальности. Бродский связывает английскую метафизическую поэзию XVII века и современную американскую поэзию, ценя в них превосходство разума над эмоциями, мужественное открытие трагизма и алогизма бытия, ироническую двойственность в отношении к реальности (отказ от иллюзий и отказ от бунта и отчаяния), большее доверие языку (поэтической речи), нежели эмпирическим реалиям. Отталкивание от романтической и модернистской эстетики доказывает постмодернистский характер художественного мышления Бродского.

5. Поэтический диалог Бродского с значимой для него англоязычной поэзией (переводы англоязычной поэзии, интертекстуальные включения, аллюзии, мотивы, принципы построения образной системы; композиция стихотворного текста) свидетельствует не только о влиянии англоязычной поэзии на творчество Бродского, но и о сознательном отталкивании даже от близких ему поэтических стратегий поэзии Д. Донна, Э. Марвелла, Т. Гарди, Т. Элиота, Р. Фроста, У. Х. Одена.

6. Англоязычная поэзия Бродского закрепляет его вращение в англо-американскую словесную культуру, однако картина мира близка картине мира, выстраиваемой в русскоязычной поэзии, а экзистенциальное мироощущение не утрачивает трагизма.

Практическая значимость работы определяется ее вкладом в исследование интертекстуальных и типологических связей Бродского с англо-американской поэзией и с мировой поэзией XX века. Материалы и выводы диссертации могут быть применены в преподавании истории русской поэзии второй половины XX века, в спецкурсах о современном литературном процессе, о русско-американских литературных связях, о факторах национальной ментальности в литературном творчестве, о творчестве И. Бродского. Анализ переводов Бродским англоязычной поэзии и анализ его

собственных англоязычных стихотворений может быть применен в теории и практике художественного перевода.

Апробация

Результаты исследования обсуждались на научно-методических семинарах кафедры истории русской литературы XX века Томского госуниверситета и отделения славянских языков и литератур университета штата Вашингтон (Сиэтл, США). Основные положения диссертации были изложены на международных и всероссийских конференциях Томска: «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики» (2004, 2005), «Американские идеи в гуманитарных исследованиях ученых Сибири» (2004), «Русская литература в современном культурном пространстве» (2004); Новосибирска: «Студент и научно-технический прогресс» (2004); Горно-Алтайска: «Языки и литературы народов Горного Алтая» (2005); Сиэтла (США): «Симпозиум студентов и аспирантов славянского отделения университета штата Вашингтон» (2006). В январе – мае 2006 года исследование велось в университете штата Вашингтон (Сиэтл, США) в рамках участия в «Carnegie Research Fellowship Program»³.

Структура работы: введение, три главы, заключение и список литературы. Библиография насчитывает 356 наименований. Общий объем диссертации – 246 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, анализируются современные концепции творчества Бродского отечественных и зарубежных исследователей, определяется методологическая основа работы. Ставится проблема связи обращения Бродского к англо-американской культуре и поэзии с общими тенденциями развития русской поэзии второй половины XX века.

Поэзия Бродского, при всей особенности творческого развития поэта, проявила художественные интенции, свойственные многим течениям русской литературы второй половины XX века: в отношении к современной реальности и к метафизическим

³Автор выражает благодарность профессору G. Diment и другим сотрудникам отделения славянских языков и литератур университета штата Вашингтон за оказанное содействие и поддержку, предоставленные материалы.

проявлениям бытия, времени и пространству; в обусловленности картины мира культурными и психологическими архетипами, национальными и общекультурными моделями мира; в отношении к поэтической традиции; в зависимости поэтического мира от языка, от смены языкового сознания.

Поэзия и прозаическое наследие Иосифа Бродского активно исследуются в России и за рубежом: монографии М. Крепса (1984), Л. Баткина (1997), И. Плехановой (2001), А. Ранчина (2001), Ли Чжи Ена (2004), Е. Петрушанской (2004), Л. Лосева (2006), труды западных исследователей (V. Polukhina (1989), D. Bethea (1994), D. MacFadyan (1998, 2000), D. Rigsbee (1999), M. Kononen (2003)), ряд кандидатских диссертаций и многочисленные сборники статей о Бродском дают осмысление различных аспектов его творчества, прежде всего поэзии.

Вместе с тем остается малоизученным очень важный аспект творчества нобелевского лауреата – его рецепция англо-американского мира, отнесенность к которому выразилась в трех аспектах: реальность, поэзия, язык. До сих пор исследовались лишь частные вопросы этой проблемы (К. Соколов, Й. Кюст, А. Волгина, И. Шайтанов, G. Diment, A. Weiner, J. Givens и др.), однако признавалась необходимость целостного анализа восприятия Бродским англо-американской культуры (V. Polukhina, D. Bethea).

Несмотря на выделяемые исследователями онтологические сходства англо-американской национальной модели с другими, не вызывает сомнений, что англо-американская культурная модель привлекала Бродского, и причины этого необходимо выявить. Как говорят мемуаристы, Бродский был англофилом. Бродский выбирает Америку местом проживания, наследует англо-американскую поэтическую традицию и ведет диалог с англоязычными поэтами не менее интенсивно, чем с русскими.

Творчество Бродского обычно трактуется исследователями как постмодернистское. Русская поэзия второй половины века подтверждает сдвиги в мировоззрении этого времени. Бродский выразил общие тенденции литературы эпохи постмодерна, однако интуитивные поиски самого Бродского в постмодернистской поэтике не нашли аналогов в русской поэзии, поэтому он выбирает в качестве «менторов» англо-американских современных поэтов.

Восприятие англо-американского мира – составляющая картины мира поэта. В культурологии картина мира понимается как «система интуитивных представлений о реальности» (В. Руднев). Образ национального мира, «своего» или «чужого», в творчестве

писателя или поэта имеет особое значение для исследования его картины мира. Рецепция как усвоение «чужого» является органичной частью диалогических отношений. Восприятие инонационального мира находится в компетенции имагологии, восприятие чужих (инонациональных) текстов является одной из целей исследований компаративистики.

В первой главе «Образ Англии и Америки (США) в творчестве

И. Бродского» выявляются и образ, и модель английского и американского мира, которые выразили общие представления Бродского о реальности и о поведении человека в ней. Англо-американский мир для Бродского важен не только в своей оригинальности, но и в проявлении общих онтологических, исторических, экзистенциальных свойств, однако географическое устройство, история, современная цивилизация Англии и Америки демонстрируют разные варианты поведения человека в бытии.

В первой части «Образ Англии в поэтическом мире И. Бродского» исследуются разные аспекты образа английской реальности, более рельефно выраженного, чем образ Америки. **В первом разделе «Образ Англии в доэмигрантской поэзии И. Бродского и изменения представлений об английской реальности: эссеистика, интервью»** на анализе стихотворений «Песня о Красном Свитере» (1970), «Письмо в бутылке» (1964), «Прощайте, мадемуазель Вероника» (1967) показывается, что доэмигрантское представление об Англии (как и США) выражается в культурных знаках (имена известных людей – ученых, музыкантов, актеров, поэтов), гипотетических образах, вещных знаках. Для Бродского Англия и Америка – прежде всего Запад, свободное пространство. Мир Запада противопоставлен российскому (советскому) по оппозициям свобода / несвобода, тепло / холод, знание / невежество. Образ Англии также имеет семантику изобретательства, прогресса, возможность которых постепенно вызывает сомнения у Бродского. Англия предстает и как метафизическое пространство – с ней связывается сюжет движения, духовной напряженности в малом (островном) пространстве жизни, что проявляется в стихотворениях «Пилигримы» (1958), «Большая элегия Джону Донну» (1963).

На материале эссе и интервью показывается, что попадание в западную реальность в 1972 году повлекло изменения представлений об Англии, которая воспринимается Бродским как неполный отрыв от России, и его воля к разрыву, к полному выходу

из родного пространства исключает всякую ностальгию и поиск знакомого. Эмиграция даже пространственно выражается в поиске позиции внаходимости, а в культурном смысле она выражается в дальнейшей эмиграции – из Европы в Новый Свет, то есть в принятии опыта европейской эмиграции в Новой Англии. Тем не менее в культуре Англии остается привлекательным для Бродского принцип индивидуальной ответственности, выраженный в английской истории и английском языке.

В разделе «Язык географии в стихотворениях об Англии 1970-х годов» анализ семантики географического пространства в стихотворениях «Темза в Челси» (1974) и цикле стихотворений «В Англии» [1977] показывает, что островное положение Англии воплощало близкий Бродскому принцип отделенности, непохожести и вместе с тем обостряло ощущение ограниченности бытия. Бродский «островной» комплекс жителя Англии связывает не столько с ощущением изолированности, сколько с ощущением конечности всего сущего. Однако Бродский не принимает английскую иллюзию естественности, подлинности, которая на самом деле есть отгороженность. Островному ощущению бесприютности лирического субъекта невозможно слиться с топосом, имитирующим цельность. Сопоставление этих стихотворений выявляет динамику вживания в другой мир (от конкретных деталей до целостного образа Англии). Английское пространство не предстает в мифологемах первостихий (суша – океан), как это происходит с американским пространством. Англия осваивает водное пространство, делает его доступным человеческой цивилизации. С другой стороны, море в стихах об Англии и океан в стихах об Америке выявляют точку отсчета Бродского – Россию. Большая часть текстов об Англии посвящена городу – Лондону или Йорку, – то есть осмыслению английской культуры и истории, нежели онтологии.

В разделе «История Англии и образ современной цивилизации» выстраивается восприятие Бродским различных пластов истории на материале тех же стихотворений, что и в предыдущем разделе. Логика английской истории подтверждает модель Бродского: история цивилизаций – история временных человеческих завоеваний и достижений, которые обречены на исчезновение; это проявляется в композиционном принципе передвижения лирического субъекта в цикле «В Англии», в сюжете стихотворения «Три рыцаря». Имперское стремление навязать свои законы миру завершается подчинением и умалением («Йорк»).

Имперское прошлое Англии показывает, что судьба культуры во времени – энтропия смысла, следы культуры десемантизируются в исторических изменениях. С другой стороны, Англия дает аргументы в сопротивлении бессмысленности и конечности существования. В стихотворении «Темза в Челси» историко-культурные аллюзии раскрывают закрепление следов человеческой жизни, стоическое сопротивление небытию. Свойственная английской культуре приверженность к традициям выражена в историческом, социальном, бытовом плане и демонстрирует близкий Бродскому способ существования.

Английский мир для Бродского важен не столько в своей оригинальности, сколько в проявлении общих онтологических, исторических, экзистенциальных законов. Даже выявив способность английской жизни сохранять устойчивость, традиции, культуру, лирический субъект обнаруживает подверженность английского мира времени, распаду, отъединенности, превращению традиций в игру. Современная цивилизация Англии становится аргументом в обретении хладнокровия, бесстрастного принятия реальности. Английский способ существования предполагает стойкость традиции, веру в продолжение жизни, в труд – несмотря на равнодушие окружающего мира («Темза в Челси»). Тем не менее в стихах об Англии устойчива ирония в отношении к стоической английской убежденности в силе цивилизации. В цикле «В Англии» постиндустриальный пейзаж развенчивает миф о цивилизации как о сопротивлении энтропии.

В разделе «Экзистенциальное самоопределение лирического субъекта под влиянием английской реальности» исследование мироощущения лирического субъекта показывает, что новый для поэта национальный мир не меняет его экзистенциальное мироощущение. Англия не становится для Бродского ни «своим», ни «чужим» миром. С одной стороны, многое ему близко в этом окультуренном островном пространстве, с другой – Бродский вписывает отграниченную реальность Англии в контекст бытийных законов, где остро осознается временность и ограниченность человеческого существования, человеческой истории.

Во второй части первой главы «Образ американского мира в поэзии и эссеистике И. Бродского» исследуется американская реальность, вошедшая в поэзию и эссеистику Бродского. Американский мир для Бродского – особый, англосаксонский, вариант «западного» мира. Во-первых, это мир эмиграции, продолжение «островной» позиции – позиции

индивидуализма; во-вторых, это мир европейской цивилизации, окультуренное англосаксами пространство (Новая Англия); в-третьих, это мир, объединяющий людей в нацию не по кровным (природным) основаниям, а по культурному самоопределению (поликультурный мир). «Америка» в понимании Бродского (и в нашей работе) – это концепт, обозначающий не столько материк или государство (США), сколько социокультурный феномен – пространство цивилизации, созданное оппозиционными хранителями европейской культуры.

В разделе «Образ Америки в стихотворениях И. Бродского, написанных до эмиграции, и в прозе» на анализе стихотворений «Пьеса с двумя паузами для сакс-баритона» (1961), «Ночной полет» (1962), «Письмо в бутылке» (1964) выявляется, что для раннего Бродского Америка, как и Англия, – это образ Запада, мир свободы: с ним связывается свет, музыка, духовная свобода.

Анализ высказываний Бродского о США, разбросанных в его эссеистике и интервью, позволяет высказать суждение, что выбор Бродским для проживания северо-восточной Америки объясняется не только житейскими преимуществами (относительная близость Нью-Йорка и Вашингтона), но и тягой к английской традиции, унаследованной штатами Новой Англии, интересом поэта и в США к английскому менталитету с его сдержанностью, склонностью к метафизичности.

Америка осознавалась Бродским как постоянная среда обитания – он не акцентировал взгляд эмигранта. Америка была отстранением от России и Европы, что выразилось в особом отношении к американскому ландшафту. В Европе пространство пропитано культурно-историческими коннотациями, оно предстает подчиненным человеку, что кажется Бродскому «нечестным» отношением к действительности и месту человека в ней. Культура Западной Европы разбавляет отчаяние эстетическим наслаждением, Америка же соответствует истинному мироощущению: человек остается один на один с материей реальности – огромной и всесильной, несмотря на возможности человеческой цивилизации.

Поиск в американском ландшафте окружающей среды, похожей на родину, говорит о том, что Бродский избирает Америку и как своеобразный «двойник» России – в ландшафтном смысле (континентальная страна) и в культурном (провинция по отношению к Европе).

Жизнь в Америке позволяет Бродскому осуществить «принцип маятника», раздвоения, «бегства от предсказуемости»: в

США он сохраняет двойное существование – Америка / Европа, Нью-Йорк / провинциальный городок Саут-Хэдли.

Американский мир представляет, по сути, постмодернистский мир: нет центра, нет героев, нет авторитарной субъективности. Америка выражает хаос сосуществования и не навязывает какой-либо образец культуры. Однако Бродскому важны такие черты американского сознания, как индивидуализм, порождающий индивидуальную ответственность, и принцип частной инициативы, унаследованный от английской ментальности.

В разделе «Семантика географического пространства в стихотворениях И. Бродского, написанных после эмиграции» на анализе стихотворений, содержащих маркированные знаки американского пространства, выявляется, что интерес Бродского к Америке не однороден. В его поэтический мир входят северные штаты, Нью-Йорк, Вашингтон, Новая Англия, Калифорния. К северным штатам Бродский обращается только в то время, когда живет в Анн Арборе, в стихах о них выражено разрушение иллюзий о «светлой» стране. Вашингтону отказано в роли центра мира: Бродского привлекает «аутентичная» американская культура и отталкивает попытка подражать европейской. Образ Нью-Йорка в поэзии Бродского со временем все больше утрачивает пространственную конкретность и становится знаком американской цивилизации, а не «американского мира»; пространство города превращается в знак, фиксирующий положение «я здесь». Калифорния – нереальное пространство, создающее ложное представление о жизни как о празднике, а потому чужое. Пространство Новой Англии синонимично у Бродского «Америке», беглянке и наследнице Европы. Америка создает манящую цивилизацию, которая, при попадании в американское пространство, открывает иные свойства, в том числе и распада.

Америка предстает в мифологеме суша / океан, которая выражает близость американского мира к онтологии, к первородному зарождению жизни («Колыбельная Трескового мыса» (1975), «Новый Жюль Верн» (1976)). Бродский ищет общие основания жизни – онтологические, вненациональные, что помогает нейтрализовать боль изгнания. Анализ стихотворения «Классический балет есть замок красоты...» (1976) показывает, что Бродский обращается к искусству как к форме эмигрантства. На любую землю можно опереться, чтобы выразить метафизическую сущность жизни.

Исследование поэтики названий «американских» стихов выявляет не этнографический интерес Бродского, но его интерпретацию американского пространства и культуры как таковых.

В разделе «История США как модель человеческой истории и современная американская цивилизация в стихотворениях И. Бродского» анализ стихотворений, содержащих знаки истории Америки («В окрестностях Александрии», 1982; «В озерном краю», 1972; «Над восточной рекой», 1974; «Осенний крик ястреба», 1975; «Вид с холма», 1991; «Новая Англия», 1993; «Робинзоада», 1994; «Колыбельная Трескового мыса», 1975 и цикла «Мексиканский дивертисмент», 1975), показывает, что история Америки в стихах Бродского проявляет общую модель мировой истории.

История освоения Нового Света – это включение в мировую цивилизацию. Заселение американского континента европейцами в XVI – XVII веках для Бродского, ориентированного на европейскую культуру, есть начало американской истории, и она вполне обозрима. Бродский выделяет три пласта американской истории: период освоения Америки европейцами, период «Новой Англии» («старой» Америки) и современную историю. Доевропейскому периоду истории США Бродский не уделяет внимания, его интересует судьба европейской культуры в Америке, однако анализ цикла «Мексиканский дивертисмент» показывает, что США и Мексика представляют два типа встречи разных культур в истории. В США индейская культура была вытеснена и практически уничтожена европейцами, в Мексике конкистадоры и аборигены смешались, образовав смешанную нацию, гибридную культуру. Бродский указывает не только на повторяемость истории как подавления, разрушения одной цивилизации другой, но и иронически обнаруживает временные «прогрессивные» культурные последствия исторических событий.

Позиция эмиграции соединяется с усилиями человека обустроить пространство нового существования, осложняемыми тоской по оставленному прошлому. Освоение Америки трактуется европейцами как выстраивание цивилизации Нового Света, прогресса, что есть историческая иллюзия. Современная Америка перестала быть Новым Светом – с ней связаны образы пыли, старости, надвигающейся пустоты, выражающие упадок цивилизации. Образы американских городов доказывают, что американская жизнь предстает не как активная деятельность, а как мир потребления, комфорта, забвения проблем. Америка создает

манящую цивилизацию, попкультуру, которая смиряет с реальностью, но для человека, попавшего сюда, сказка разрушается.

Бродского привлекает в американской культуре не подражание Европе, а проявление экзистенциального сознания, к которому располагает американская история. Образ Америки в поэзии Бродского содержит его экзистенциальное представление о противоречии экзистенции и онтологии.

В разделе «Вхождение в американский мир субъекта лирики И. Бродского» прослеживается «вживание» лирического субъекта в мир эмиграции. В ранних стихах, воссоздающих состояние вхождения в другой мир («В озерном краю», «Осенний вечер в скромном городке...», «Осенний крик ястреба»), сильно ощущение усталости, творческого кризиса, горя, связанности с оставленным прошлым; в более поздних стихах (цикл «Жизнь в рассеянном свете») возвращается образ света, связанный с Америкой, входят мотивы благодарности, поиск положительного. При этом отстранение от реальности, отчаяние и ощущение трагичности существования и одиночества сохраняются во всех стихах Бродского.

Во второй главе диссертации «Метатекст англо-американской поэзии, выстроенный И. Бродским в поэзии и эссеистике» исследуется восприятие Бродским англо-американской поэзии, воплотившей картину мира, повлиявшую на становление поэтического мышления И. Бродского.

В первой части второй главы **«Круг англоязычных поэтов, выделенных И. Бродским»** выявляется избирательность и диалогичность восприятия Бродским англоязычной поэзии. Бродского в англоязычной поэзии интересуют не столько национальные архетипы, сколько мирообразы, которые выходят к универсальной картине мира, словесные «символические формулы» бытия, версии существования человека не столько в конкретном пространстве и времени национальной истории, сколько в бытийном времени и в метафизическом пространстве.

На основе эссе и интервью Бродского выявляется круг чтения поэта (антологии и книги, которые он читал). Анализируется круг поэтов, воспринятых в поэтических текстах (в эпитафиях, посвящениях, названиях) Бродского, в переводах и эссеистике.

Отбор поэтов, избранных для диалога, перевода и эссеистской рефлексии свидетельствует, что Бродский выстраивает свой «метатекст» англоязычной поэзии. Бродского интересует англо-американская поэзия как феномен, обусловленный языком:

метафизическая поэзия и отчасти романтическая поэзия XIX века, модернистская и постмодернистская поэзия XX века.

В мировой поэзии до XX века его интересует английская поэзия; в XX веке – за редкими исключениями – американская поэзия. Это объясняется направленностью литературного процесса в этих странах: до второй половины XIX века главным местом великой англоязычной поэзии является Англия (до Э. Дикинсон и У. Уитмена американская литература подражает английской); в XX веке американская поэзия дает новые направления и голоса. Однако в поэзии XX века граница между принадлежностью к Англии или США стирается, что доказывают судьбы Т. С. Элиота и У. Х. Одена, признанных величайшими поэтами XX века как в Англии, так и в США. Национальная ментальность в современной культуре сохраняется в языке и в меньшей степени зависит от государственных границ. С другой стороны, в англоязычной поэзии XX века новое мышление проявляется для Бродского как транснациональное, как мышление об универсальном мироустройстве.

Английской поэзией Бродский интересуется преимущественно до эмиграции, и этот интерес сосредоточен в большей степени не на современных поэтах: на Шекспире, на метафизической поэзии XVII века, на поэтах XVIII века (У. Блейк), на поэтах начала XX века (Т. Гарди). Обращение к современным английским поэтам эпизодично; после эмиграции Бродский больше внимания уделяет современной американской поэзии.

Среди поэтов, привлекающих внимание Бродского, есть те, кто глубоко усвоены им, но есть и такие, кого Бродский ценит и упоминает в своих интервью, советует читать, хотя они не входят в его рецепцию, создавая фон восприятия главных поэтических фигур. Бродский декларирует близость Р. Фросту, У. Х. Одну, ведет диалог с Р. Лоуэллом, М. Стрэндом, Р. Уилбером, переосмысливает Д. Г. Байрона, Т. С. Элиота. Среди американских поэтов, которых выделяет Бродский в эссеистике и стихах, есть поэты эмигрантской судьбы (У. Х. Оден, Т. С. Элиот, Д. Уолкотт) и «коренных» американцев (Р. Фрост, Р. Лоуэлл). Первые интересны Бродскому как выразители экзистенциального сознания, последние – и как выразители «американского» сознания.

Бродского интересует пласт английской поэзии, который менее представлен в русской поэзии, – метафизическая поэзия; он полемичен по отношению к тем направлениям английской поэзии, которые проявились в русской поэзии (романтизм, модернизм). Его

интересует английская поэзия, не воспринятая русской литературой, содержащая специфически английские черты мышления и интонации: сочетание интеллектуального и эмоционального начал (с преобладанием первого), нейтральность тона, отстраненность взгляда.

Во второй части второй главы «Освоение английской классической поэзии» исследуется восприятие И. Бродским английской классической поэзии. **В первом разделе «Отталкивание И. Бродского от традиционного для русской культуры восприятия английской поэзии. У. Шекспир, Р. Бернс, У. Блейк, Д. Г. Байрон»** исследуются стихи «Из “Старых английских песен”» (1963), устанавливается, что литературным толчком для написания цикла «Из “Старых английских песен”» были переводы Р. Бернса (Robert Burns, 1759 – 1796), выполненные С. Маршаком. Стихотворения следуют традиционной тематике народной английской поэзии. Вопреки фольклорной традиции и собственной поэтике перечислительности Бродский в этих стихах лаконичен, доводит до намека лирическую ситуацию.

У. Шекспир (William Shakespeare, 1564 – 1616) сопрягается с романтиками, так как именно они были усвоены русским художественным сознанием, и Шекспир воспринят Бродским через русскую рецепцию. Отсылка к двадцать седьмому сонету Шекспира в эпиграфе к стихотворению «Пилигримы» (1958) свидетельствует о том, что у Шекспира Бродский почувствовал мысль о независимости внутреннего мира от внешнего. Лирическая линия поэзии Шекспира не получает отклика в творчестве Бродского содержательно, но с 1962 года Бродский обращается к сонетной форме.

Интерес Бродского к У. Блейку (William Blake, 1757 – 1827) лежит в русле увлечения английской метафизической поэзией: Бродскому близко не двоемирие Блейка, но его метафизика. В стихотворении «Песня невинности, она же – опыта» (1972) Бродский обращается к блейковским «Songs of Innocence and Experience» («Песни Невинности и Опыта» (1784 – 1794). Заданный контекст помогает Бродскому обозначить собственную мировоззренческую позицию. Современное сознание, представленное в двух частях стихотворения Бродского, лишено метафизики. Связь с Блейком у Бродского проявляется не только в полемике с христианским мироощущением «Песен Невинности» Блейка, но и в представлении поэтов о масштабе, в котором должен осознавать себя человек. Стихотворение «Муха» (1985) – вариация стихотворения Блейка «Fly» («Муха») из «Песен Опыта». Бродский развивает идеи Блейка:

краткость жизни мухи, ее уязвимость позволяют сопоставить ее жизнь, подвластную воле человека, и жизнь человека, подвластную времени. Бродский онтологический аспект (немилосердность онтологии) дополняет экзистенциальным аспектом (бунтующий в слове человек).

Ранние «романтические» увлечения Шекспиром и Бернсом исчезают после 1963 года с появлением ориентации на метафизическую поэзию. Аллюзии к Д. Г. Байрону (George Gordon Byron, 1788 – 1824) появляются в «Новых стансах к Августе» (1964) как свидетельство прощания Бродского с собственной романтической поэтикой. Для Бродского поэзия становится не самовыражением, вызванным перипетиями судьбы поэта, а разговором о бытии и культуре.

В третьем разделе «Английская метафизическая поэзия XVII века в восприятии И. Бродского. Переводы поэзии Д. Донна и Э. Марвелла» обобщаются результаты многочисленных исследований о связи поэзии Бродского с Д. Донном (John Donne, 1573 – 1631) и поэзией английской метафизической школы XVII века, анализируются переводы Бродским Э. Марвелла, до сих пор не интерпретированные. Английская метафизическая поэзия XVII века определила становление картины мира и поэтики Бродского. И. Шайтанов, Вяч. Иванов, А. Нестеров, А. Ниеро и другие говорят о стремлении Бродского привить русской поэзии чуждый ей до сих пор стиль, что выражалось и в его собственном стиле, и в его переводах. Устанавливается типологическое сходство мировоззрения XX века (экзистенциализма) и метафизической проблематики эпохи барокко.

Поэзия Эндрю Марвелла (Andrew Marvell, 1621 – 1678) также входит в творческое сознание Бродского, хотя не имеет такого влияния, как поэзия Донна. Бродский пробует переводить разные пласты поэзии Марвелла (стихи, основанные на кончетти, на игре с античными жанрами); выбранные Бродским для перевода стихотворения Донна и Марвелла близки. Метафора-кончетти из переведенного стихотворения «Глаза и слезы» («Eyes and Tears»), где глаза – средство познания мира, слезы – реакция на узнавание мира, получает развитие в стихах Бродского «Волосы за висок» (1967), «Декабрь во Флоренции» (1976), «Одиссей Телемаку» (1972), в «Римских элегиях» (1981). Перевод стихотворения «Нимфа, оплакивающая смерть своего фавна» («The Nymph Complaining for the Death of her Faun») соотносится со стихотворениями Бродского, где, напротив, образы античных божеств даны в статуарной форме,

как остановленные, а не оживляемые переживания: «Подсвечник» (1968), «Торс» (1972), «Декабрь во Флоренции» (1976). Стихотворение «Лесная идиллия» (1960-е) пародирует пасторальную традицию. Перевод стихотворения «Горацианская ода на возвращение Кромвеля из Ирландии» («An Horatian Ode upon Cromwel's Return from Ireland») подтверждает интерес Бродского к истории Англии периода английских революций. Однако лояльность Марвелла Бродским доводится до иронической двойственности, исключается сочувствие. Марвелловское ощущение времени представлялось Бродскому недостаточно трагичным в сравнении с поэзией двадцатого века, что обнаруживает анализ перевода «Застенчивой возлюбленной» («To His Coy Mistress»). Альтернатива Марвелла – поглотить время или долго томиться – у Бродского поставлена более радикально: или человек поглощает данное временем, или время поглощает его.

В третьем разделе «Т. Гарди и английский модернизм» исследуется отношение Бродского к поэзии Томаса Гарди (Thomas Hardy, 1840 – 1929), открывающее рецепцию Бродским модернистской эстетики и обосновывающее его обращение к современной американской поэзии. На анализе эссе «С любовью к неодушевленному. Четыре стихотворения Томаса Гарди» (1994) показывается, что Гарди входит в поле интересов Бродского, видимо, именно в зрелый период, в связи с историко-литературной проблемой: почему в Англии не было модернизма. Англия оказалась хранилищем традиций в поэзии, модернизм связывается с американским национальным сознанием. Бродский ведет полемику с эстетикой модернизма, не принимая модернистскую установку на гипертрофию субъективного, подсознательного и гипертрофированную, хаотически соединенную образность, однако при этом современная английская литература, не прошедшая через модернизм, ему не интересна. Выбор стихов для анализа в эссе позволяет Бродскому показать Гарди как предвестника «новой эстетики», как поэта метафизического, у которого интеллектуальное преобладает над рациональным. Обнаруживаются интертекстуальные связи с поэзией Гарди в стихотворениях Бродского. «Новый Жюль Верн» (1976) развивает размышления Гарди о причинности катастроф, данные в «The Convergence of the Twain»; Бродский, следуя стихотворению Гарди, создает форму собственного стихотворения как смысловой образ. Стихотворение «The Darkling Thrush», вкуче со стихотворением «Войди» Р. Фроста, позволяет внести коннотативный ряд к образу птицы, часто

возникающему у Бродского: «Садовник в ватнике, как дрозд...» (1964), «Суббота (9 января)» (1971), «Письма римскому другу» (1972), «В этой маленькой комнате все по-старому...» (1987), «Повернись ко мне в профиль...» (1983). Попытка Гарди представить в «Afterwards», что будет после того, как он умрет, трактуется Бродским как «любовь к неодушевленному». Ситуация «после меня» возникает в собственных стихах Бродского: «Меня упрекали во всем, кроме погоды...» (1994), в англоязычном стихотворении «To My Daughter» (1994).

Во второй части второй главы «Англо-американская поэзия XX века в рецепции И. Бродского. Р. Фрост, Т. С. Элиот, У. Х. Оден» исследуется восприятие Бродским англо-американских поэтов XX века. **В первом разделе «Американская поэзия как проявление новейшей поэзии. Модернизм и постмодернизм»** выявляются причины интереса к американской поэзии XX века. Модернизм проложил границу между английской и американской поэзией: традиционность английского сознания (в том числе традиции романтизма в поэзии) препятствовала обновлению поэтических средств и мироощущения. Американские поэты, творящие после Элиота и имажистов, ощущали модернизм как первую «американскую» традицию. Американская поэзия XX века оказалась близка Бродскому отношением к литературной традиции как к чужим текстам, которые переосмысливаются, и это позволяет выстроить на их основе собственный текст о существовании.

На материале эссе и интервью прослеживается изменение отношения Бродского к модернистской поэзии. В начале 1960-х гг. Бродский интересуется теми американскими поэтами, чьи имена были известны в России, пытается их переводить: У. Уитмен, Э. Паунд, Т. С. Элиот. Позже, когда Бродский начинает читать по-английски, он вырабатывает собственные предпочтения, которые имеют мало общего с популярностью поэтов в русском литературном сознании (Р. Фрост, У. Х. Оден, Т. С. Элиот, М. Стрэнд, Д. Уолкотт, Р. Лоуэлл, Р. Уилбер). Со временем исчезает интерес к

У. К. Уильямсу, У. Стивенсу, Э. Э. Каммингсу. Бродский ценит последователей модернизма в американской литературе (не интересуют его Г. Лонгфелло, трансценденталисты), но главный диалог Бродского – с теми поэтами, чье модернистское мироощущение скрыто (Р. Фрост), или с теми, кто преодолевает его (Р. Уилбер, У. Х. Оден). Интерес к женской модернистской поэзии

(М. Мур, Э. Бишоп, Л. Богэн) объясняется тем, что женская поэзия не выразила принципов модернизма последовательно.

Бродского больше всего интересуют У. Х. Оден и те авторы, которых причисляют к постмодернистам (Р. Лоуэлл, Р. Уилбер). Их поэзия выразила изменение человеческого сознания в середине XX века, осмысляла глобальные процессы современности: многие стихи, переведенные Бродским, – о тоталитаризме, о войне. Перевод 1967 года стихотворения Р. Лоуэлла (Robert Lowell, 1917 – 1977) «For the Union Dead» («Павшим за Союз», 1960) выявляет возникший еще до эмиграции интерес Бродского к американской модели существования. В переводе Бродского семантические сдвиги делают концепцию истории более онтологичной, чем у Лоуэлла. В «Колыбельной Трескового мыса» (1975) Бродский ведет диалог с Лоуэллом, у которого прошлое мыслится как окрашенное идеалами, лучшее по сравнению с уничтожающим его настоящим; по Бродскому, история не имеет ни прогресса, ни регресса – она абсурдна, что должно восприниматься стоически. Интерес Бродского к стихам Р. Уилбера (Richard Wilbur, р. 1921) и их перевод спровоцирован узнаванием в них метафизической традиции. В эссе о Уилбере Бродский трактует сохранение традиционной стихотворной речи как стоицизм, противостояние хаосу реальности. Перевод Бродского стихотворения «A Baroque Wall-Fountain in the Villa Sciarra» («Барочный фонтан в стене на Вилла-Скьяра») направлен на передачу интенций автора оригинала, поэтики и смысла оригинала, однако в собственном стихотворении «Фонтан» (1967) Бродский трактует концепт фонтана не следуя имперсональной поэтике Уилбера. Она получает больший отклик у Бродского в поэзии зрелого периода, что демонстрирует перевод стихотворения «После последних известий» и аллюзии на него в стихах «Северный Кенсингтон» (из цикла «В Англии») (1977) и «Эклога 5-я (летняя)» (1981).

Во втором разделе «Изменение отношения к поэзии Т. С. Элиота как проявление антимодернистской эстетики И. Бродского» выявляется динамика отношения к поэзии Т. С. Элиота (Thomas Stern Eliot, 1888 – 1965), с которым выстраивается личностный и поэтический диалог. Интенсивный поэтический диалог с поэзией Элиота ведется с середины 1960-х годов до конца 1970-х, т. е. в период близости Бродского к модернистской интенсивности стиля, а переход к нейтральному тону сопровождается исчезновением из поэзии Бродского маркированного диалога с Элиотом. Напротив, анализ эстетики и поэтики Элиота в эссе и

интервью Бродского возникает, когда «поэтический» интерес к Элиоту утрачивается. Обобщение высказываний Бродского об Элиоте в интервью показывает, что ему не нравятся произведения классического модернизма («Бесплодная земля») и позднего периода, когда Элиот стал проповедовать религиозное видение мира и его поэзия стала ближе к традиционной. Бродскому ближе ранние стихи Элиота, когда только формировалась модернистская поэтика, либо стихи, которые были написаны в первые годы обращения к религии, когда ставилась проблема выбора между верой и сомнением. Сопоставление критических произведений поэтов выявляет схожесть представлений о том, что культура создается традицией, о важности языка для культуры и необходимости принципа деперсонализации в поэтике. При анализе стихотворений «Стихи на смерть Т. С. Элиота» (1965), «Песня пустой веранды» (1968), «Квинтет» (1977), «Строфы» (1978) обнаруживается спор с поэзией Элиота, в которой Бродский не приемлет подчинение чувству страха, отсутствие стоицизма и поиск утешения в религии.

В третьем разделе «Поэзия Р. Фроста в эссеистике и в стихотворениях И. Бродского» исследуется критическое и поэтическое восприятие Бродским поэзии Р. Фроста (Robert Frost, 1874 – 1963) – одного из двух наиболее для него значимых англоязычных поэтов. Анализ стихотворения «На смерть Роберта Фроста» (1963) и эссе «О скорби и разуме» (1994) демонстрирует, что до эмиграции Бродский не выделяет Фроста как американского поэта. Стихотворение 1963 года не выразило того, что поразило молодого Бродского (при чтении переводов А. Сергеева) в мироощущении Фроста. Только в поздних эссе и интервью Бродский оценит близкие ему самому экзистенциальное одиночество, скрытый трагизм. В эссе о Фросте Бродский доказывает, что мироощущение Фроста есть подлинное национальное американское сознание; национальный мир порождает особый способ мышления. Бродский создал свое представление о Фросте, что проявляется как в выборе стихотворений для анализа, так и в их трактовке.

В стихотворениях Бродского обнаруживается влияние Фроста, которое доказывается интертекстуальными связями, аллюзиями (образы дров и деревьев). В стихотворениях «Ты забыла деревню, затерянную в болотах...», «Заморозки на почве и облысенье леса...» («Часть речи», 1975 – 1976), «Келломяки» (1982), «Эклога 4-я (зимняя)», «То не Муза воды набирает в рот...» (1980) Бродский развивает фростовскую метафору дрова / стихотворение (творчество), переосмысляя ее: у Фроста дрова – скрытый смысл

поэзии, у Бродского на первом плане – языковой дискурс: сравнение с дровами высвечивает природу слова. Образ дерева из «Tree at my Window» и других стихотворений Фроста развивается Бродским в стихотворениях «Деревья в моем окне...» (1964), «Дерево» (1970), «Я шел сквозь рощу, думая о том...» (1962), «Реки» (1986). Бродский использует два поэтических хода Фроста в собственной поэзии: стихотворения о встрече человека с природой трактуют онтологию существования человека, драматические диалоги раскрывают трагедию коммуникации.

«Природные» стихотворения у Бродского после знакомства с Фростом в 1962 году утрачивают романтический и лирический по интонации характер. Природа входит в поэзию Бродского как враждебный или равнодушный к человеку мир, при этом используется сдержанная интонация лирического высказывания. Это показывается на анализе стихотворений «Вот я вновь принимаю парад...» (1963), «В распутицу» (1964), «Заморозки на почве и облысенье леса...» из цикла «Часть речи» (1975 – 1976).

В четвертом разделе «Поэтический мир У. Х. Одена в интерпретации И. Бродского» исследуется рецепция Бродским У. Х. Одена (Wystan Hugh Auden, 1907 – 1973). Восприятие Одена Бродским специфично: в своих эссе он открыл то, чего англо-американские читатели раньше не замечали: Оден считался поэтом социальной проблематики, Бродский обнаружил в его поэзии философские прозрения. Сопоставление эссеистики поэтов показывает, что Бродскому близко оденовское отношение к языку как первооснове человеческого существования, у них схожие философия творчества и литературные вкусы (Р. Фрост, К. Кавафис). В эссе об Одене («Поклониться тени», 1983; «“1 сентября” У. Х. Одена», 1984) Бродский выделяет экзистенциальное мироощущение поэта, экзистенциальное отчаяние, чувство любви, смирение, в поэтике – нейтральность тона, сопровождающуюся лиризмом.

Большинство стихотворений, упоминаемых Бродским в эссе и интервью, написаны после эмиграции Одена в Америку, когда он стремился освободиться от сложившейся в Англии репутации поэта-пророка, от социальной и политической окрашенности поэзии, обрести зрелость и говорить правдиво. Исследование стихотворений Одена, привлекавших Бродского, показывает, что Бродский вычитывает в Одене то, что близко постмодернистской поэтике: приоритет языка над временем, смешение разных дискурсов внутри одного текста, интертекстуальность.

На анализе стихов «Иския в октябре» (1993) и «Йорк» (из цикла «В Англии», 1977) исследуется образ Одена, возникающий в этих стихах. Анализ стихотворения «Иския в октябре» (1993), которое не окрашено благоговением элегии, которого требует жанр и обращение к гению, и его сопоставление со стихотворением Одена «Иския» (1948) выявляют разницу в картинах мира поэтов. Бродский пессимистичней, чем Оден, в возможности иметь хотя бы короткий момент счастья. Ни одно место не может избавить человека от ужаса мира, хотя Оден и Бродский схожи в ощущении бездомности, оба разворачивают мотив странничества, путешествия. Перевод стихотворения Одена «Funeral Blues» («Похоронный блюз», 1936), выполненный в 1994 году, также выявляет разницу в картинах мира поэтов. В переводе Бродского акцент перенесен с эмоционального жеста – желания воздействовать на внешний мир – на позицию внутреннего отстранения от окружающего мира.

Бродский декларировал стремление подражать Одну, но он развивает качества, почитаемые в оденовской поэзии: метафизический подход, чувство личной ответственности, пессимизм и отчаяние. В поэзии Бродского не выражена одна черта, которую он почитает у Одена, – способность к «универсальной любви».

В третьей главе диссертации «Англоязычные стихотворения И. Бродского» исследуется поэтический мир стихов Бродского, написанных на английском языке, в трех аспектах, которым посвящены части: «Лирическое мироощущение в англоязычной поэзии», «Америка в англоязычных стихотворениях», «Англо-американская поэзия в англоязычных стихотворениях».

Лирическое мироощущение в англоязычной поэзии И. Бродского выявляется при анализе стихов «Letter to an Archaeologist» (1983), «Infinitive» (1994) и их сопоставлении с близкими по тематике русскоязычными стихами «Только пепел знает...» (1986) и «Робинзонада» (1994). Сопоставление «Letter to an Archaeologist» (1983) и «Только пепел знает...» (1986) показывает, что русскоязычное стихотворение более онтологично, англоязычное – социально и, как следствие, более агрессивно. Только в англоязычное стихотворение входит «русский» опыт автора. В англоязычном тексте судьба слова – его десемантизация в будущем, в русскоязычном – оставление следа. Сопоставление «Infinitive» и «Робинзонады» показывает, что англоязычное стихотворение

трактует робинзонаду в лингвистическом ключе, русскоязычное – в бытийном.

Бродский обращается к английскому языку по двум причинам. Во-первых, для осмысления социальных проблем, связанных с тиранией, политикой. Стихи на русском языке у Бродского менее политизированы, в них современное событие становится поводом для философских обобщений. На английском языке Бродский позволяет быть себе более риторичным и злободневным. Во-вторых, обращение к английскому языку – логическое завершение отказа Бродского чувствовать себя жертвой изгнания. Это попытка снятия конфликта между окружающей языковой реальностью и собственным, чужим ей языком: тексты на английском языке позволяют говорить об экзистенциальных проблемах в метафизическом измерении, без аллюзий на биографию, на изгнанничество.

Англоязычные стихи И. Бродского позволяют заметить изменения в восприятии американского мира. Стихи Бродского об Америке, написанные на русском языке, выдают позицию эмигранта, чужеродность американской реальности автору. Неанглоязычное пространство Европы в англоязычных стихах Бродского периферийно. Это свидетельствует о том, что английский язык провоцировал Бродского на поэтическое осмысление культурных пространств, родственных английскому языку. В англоязычных стихах американское пространство – реальное «здесь и сейчас», обладающее своими ценностными особенностями, являющееся знаком, отражающим свойства бытия. На анализе стихотворений «At The City Dump In Nantucket» (1995 – 1996), «Blues» (1992), «Lines for the Winter Recess» (1992), «Once More by the Potomac» (1995), «Café Trieste: San Francisco» (1980), «Exeter Revisited» (1988) показывается, что стихи об Америке на английском языке выдают целенаправленное стремление к «неэмигрантскому» мироощущению. В англоязычных стихотворениях выстраивается новая биография, новые воспоминания, но в американском пространстве нет истинного дома. Бродский вводит в англоязычные стихи мотивы, свойственные его русскоязычной поэзии, но разворачивающиеся в американском пространстве: мотив возвращения на место утраченной любви, мотив ухода, разрыва. Жизнь в Америке подтвердила сложившееся мироощущение поэта: экзистенциальное сознание не определяется окружающим пространством, этносом или языковой средой.

В англоязычной поэзии Бродского воссоздана безыллюзорная жизнь с четким осознанием грядущей пустоты, собственного несуществования (стихотворения «At a Lecture», 1994; «Ode to Concrete», 1995). Эмоциональность большинства англоязычных стихов редуцирована: в них отсутствует бунтарство, неистовство. Это объясняется тем, что англоязычные стихи созданы в последний период его жизни, – русскоязычным стихам присуща та же приглушенность тона, сложная образность, интеллектуализм. Эмоции более явно выражены в стихах, обличающих социальную несправедливость, интерпретирующих исторические катаклизмы. Это объясняется ориентацией на читателя – желанием внятно выразить свою политическую позицию, чувством ответственности за тот авторитет, который на Бродского наложило публичное признание и Нобелевская премия.

Англоязычная поэзия Бродского содержит полемику с американским фольклором, выражающим американское сознание, которое идеализирует освоение пространства, что выявляет анализ стихотворения «Anti-Shenandoah» (1992). Круг отсылок к англо-американским поэтам (романтической поэзии, Р. Лоуэллу, У. Х. Одену, П. Виреку) показывает отсутствие «страха влияния» у Бродского, которое объясняется его принципиальной позицией – опорой на традицию и поиском собеседников в мировой поэзии.

В Заключении подводятся итоги исследования. В картине мира Бродского англо-американский мир подтвердил представления о бытии и месте человека в нем. В англо-американской поэзии Бродский нашел основания для собственной поэтики, отступающей от классической русской поэзии.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Гаврилова Н. С. Образ Англии в поэзии И. Бродского // Материалы XLII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Литературоведение / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2004. – С. 47 – 49.
2. Гаврилова Н. С. История Англии в стихотворениях И. Бродского // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. Вып. 5. Ч. 1: Литературоведение. – Томск, 2004. – С. 30 – 33.
3. Гаврилова Н. С. И. Бродский: критическая и художественная рецепция У. Х. Одена // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 6: Формы саморефлексии литературы XX века: метатексты и метатекстовые структуры. – Томск, 2004. – С. 128 – 150.
4. Гаврилова Н. С. Американская реальность в эссеистике и интервью И. Бродского // Американские исследования в Сибири. – Выпуск 8. Материалы Всероссийской научной конференции выпускников Программы Фулбрайта «Американские идеи в гуманитарных исследованиях ученых Сибири», Томск, 12 – 14 октября 2004 г. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. – С. 146 – 153.
5. Гаврилова Н. С. История Америки в поэзии И. Бродского // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Выпуск 7: Версии истории в русской литературе XX века. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. – С. 102 – 122.
6. Гаврилова Н. С. Проблемы языка и лингвистический дискурс в англоязычной поэзии И. Бродского // Русская литература в современном культурном пространстве. Материалы III Всероссийской научной конференции (4 - 5 ноября 2004 г.). Часть 2. – Томск, 2005. – С. 177 – 186.
7. Гаврилова Н. С. И. Бродский – переводчик американских поэтов // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Выпуск 6. – Часть 2: Литературоведение. – Томск: ТГУ, 2005. – С. 56 – 58.
8. Гаврилова Н. С. Рецепция У. Блейка в поэзии И. Бродского // Языки и литературы народов Горного Алтая. Международный ежегодник. – Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского государственного университета, 2005. – С. 114 – 117.

9. Гаврилова Н. С. Американская реальность в англоязычных стихах

И. Бродского // «Чернеть на белом, покуда белое есть...» Антиномии Иосифа Бродского. – Томск: PaRt.com, 2006. – С. 69 – 84.

10. Гаврилова Н. С. Наследие Т. С. Элиота в эстетической рецепции

И. Бродского // Вестник Томского государственного университета: Бюллетень оперативной научной информации. – 2006. – № 80. – С. 39 – 45.